

ПЕРЕНОСНЫЙ ЭПИТЕТ В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

В настоящей статье рассмотрены основные закономерности построения переносного эпитета в текстах величайшего поэта XX века – Марины Цветаевой. В работе подчеркивается значимость адъективной репрезентации смысла, его сочетаемости с различными определителями (эпитетами), которые вместе образуют смысловое единство. Употребительность нестандартных сочетаний эпитета с определяемым словом дает возможность сделать выводы о частотности и продуктивности механизмов образования переносных эпитетов, указать на антропоцентрическую метонимическую логику переноса названий определений.

***Ключевые слова:** эпитет, Марина Цветаева, семантический перенос, концепт, смысл.*

Переносный эпитет является проблемной областью лингвистических исследований, особенно в последнее время, с учетом появления когнитивных исследований метафоры, метонимии, эпитета в том числе. Различные исследователи неоднозначно трактуют его природу [Губанов 2009, Фадеева 2014]. Наполнение термина «переносный эпитет» также может быть понято двояко: с одной стороны, возможно смещение синтаксического порядка – перенос признака; с другой стороны, перенос может затронуть оба слова эпитетного ряда – самого эпитета и определяемого субстантива.

Целью настоящей статьи выступает анализ различных типов переносных эпитетов на материале поэтических и прозаических текстов Марины Цветаевой. Тексты данного поэта особенно насыщены переносными атрибутивными конструкциями.

К.В. Голубина подробно описала типы переносного эпитета. Исследователь пишет о трех основных моделях переносных эпитетов, которые зачастую встречаются в текстах креолизованного типа, образных и оценочных, а именно:

- а) метафорические эпитеты (простые и составные);
- б) метонимические эпитеты;
- в) метафтонимические эпитеты.

Охарактеризуем приведенные выше типы переносных эпитетов. Эпитеты могут строиться по принципу:

а) привнесение нового концепта:

– по характеру признака (*мрачное присутствие*): механизм построения эпитета основывается на полном поглощении концептуального содержания категории-цели в результате наложения категории-источника и интеграции нового содержания (выводного знания) на правах существенного признака: *мрачный* приобретает частичные черты семы концепта «человек»;

– по источнику признака (*солидный комфорт*): механизм такого тропообразования заключается в расширении концептуального содержания слота за счет включения несвойственного признака: эпитет *солидный* (о человеке) сочетается с неодушевленным словом *комфорт*;

– по оценке (*небрежная одежда*): происходит привнесение нового содержания, смешение пространств, приводящее к усилению сходного концепта (*небрежная одежда*);

б) усиление сходного концепта (*рафинированный пуританец*): происходит привнесение нового содержания или смешение пространств, приводящее к усилению сходного концепта: пуританец и так подразумевает значение «очень пристойный», эпитет *рафинированный* его усиливает;

в) совмещение контрастных концептов (*восхищенный трепет, избитая красота*): либо перед нами явный контраст, когда противоположные концепты входят в категории, закрепленные в человеческом сознании в виде оппозиций в рамках единого абстрактного ментального пространства (*бог / дьявол*) (*восхищенный трепет*); либо перед нами имплицитный контраст, когда интегрируются два неявно противоположных концепта (*избитая красота*).

Метонимические эпитеты основаны на референциальной связи между элементами концептуальной структуры, из одной ментальной области (*ужасный страх, животный ужас*). Механизм создания экспрессивности заключается в интеграции нетипичного слота с собственным содержанием, за счет чего расширяется набор центральных признаков эпитета, и сосуществования контрастных ассоциаций.

Метафтонимические эпитеты основаны на актуализации части ментального пространства, представленной в определяемом (метонимия), и переструктурировании в соответствии с набором признаков определяющего, который в свою очередь тоже подвергается трансформации (метафора), причем они могут быть:

а) простыми (одно определяющее – одно определяемое):

– оба концепта входят в одно ментальное пространство, в котором происходят метафорический и метонимический сдвиги (*вынужденная расплата*);

– оба концепта входят в родственные ментальные пространства, в которых происходят метафорический и метонимический сдвиги (*сатанически смешной*);

б) составными: концепты входят в неродственные ментальные пространства, метафора и метонимия при этом затрагивают разные пространства (*изумрудные глаза*) [Голубина 1998].

Как подчеркивают Дж. Лакофф и М. Тернер, метафтонимия есть пересечение метафоры и метонимии в рамках одной ментальной операции с преобладанием метонимических механизмов образования смысла.

В нашем понимании переносный эпитет – тип образного определения, в рамках которого происходит перенос признака на смежный объект (метонимический эпитет) или на близкий по какому-либо основанию объект (метафорический эпитет). Первый механизм образования переносного эпитета представляется нам универсальным, поскольку строится на изначальном соотношении объектов, метафора же зачастую возникает как следствие на стадии восприятия образа, как осознание дальнего родства объектов.

Переносные эпитеты и их употребление становились объектом внимания цветаеведов [Бабенко 2001, Войтехович 2003, Волковинский 2011, Губанов 2014, Лаврова 1998, Порошина 2009, Фокина 2006, Черных 2003]. А.В. Громова подчеркивает, что во многих эпитетных выражениях субстантив представляет собой переносное значение имени, а эпитет есть метафоризируемый компонент (*любовный голод*), существуют авторские многокомпонентные структуры, основанные на метафорическом переносе (*брезгливая грусть уст, короткие крылья волос*): эпитет является центром высказывания и усиливает созданный образ [Громова 2010].

На наш взгляд, когнитивным механизмом создания переносного эпитета и в целом конструкций с ним является метонимическая логика: за основу берется перенос по линии «целое (человек) – часть» и на метафорической основе происходит дальнейшее раскрытие образа. Именно метонимия демонстрирует включение и интеграцию смыслов из одной ментальной сферы, но подчас контрастные сочетания признаков и определителей делают неочевидным такого рода перенос. Именно в этом заключается неоднозначность трактовки и понимания некоторых признаков словосочетаний, а также семантическая интерпретация эпитета.

Переносные эпитеты типа *сонные руки, наглые завитки ресниц, надменный лоб* наиболее частотны и продуктивны в плане смыслообразования и порождения производных от них эпитетов (нами зафиксировано более 1100 таких употреблений в стихотворениях и прозаических текстах М. Цветаевой, что составляет примерно 62 % от общего числа эпитетов); и эпитеты, и определяемые слова входят в одно

концептуальное поле – поле человека. Для творческого почерка Марины Цветаевой такая соотнесенность эпитетов и определяемых субстантивов является характерной особенностью ее поэтического языка. Такие эпитеты получили название метафтонимических (совмещающих метонимию и метафору), поскольку они основаны на смежности признаков одного концептополя и вызывают метафорический эффект при их дальнейшей интерпретации.

Приведем примеры таких эпитетов. В стихотворении «Иоанн» читаем:

Встречались ли в поцелуе

Их жалобные уста? [Цветаева 1994, т. 1: 358].

На первый взгляд, такое словоупотребление может показаться вполне традиционным, но рассмотрим его в контексте поэтической логики всего творчества поэта. Рот, уста традиционно ассоциируются с речью, плачем, разговором, поцелуями. Распространение признака *жалобный* на денотат *уста* и образование самого данного эпитета является окказиональным, поскольку нарушается сочетаемость (данные слова редко соседствуют в речи), но она оправдана логикой поэтического мышления, которое практически любое проявление человеческой активности распространяет на орган его тела; кроме того, мотивация соединения двух данных слов подкрепляется словом *поцелуи*, устанавливающим некий ориентир для дальнейшего распространения признака.

Метаязыковая природа творческого почерка М. Цветаевой всегда обращала на себя внимание читателей и исследователей ее творчества. Семантическое сближение внешне похожих или созвучных слов, подбор далеких смыслов и их сближение (паронимическая аттракция, корневой повтор и т.д.), авторская расшифровка смысла образа или намек на нее – все это обнажает поэтическое мышление М. Цветаевой, делает его уникальным, создает игровую интонацию, но не развлекательного типа, а ту интонацию, которая заставляет напряженно думать. Задачей становится не просто получить ответ и узнать смысл переноса, – сам процесс этой разгадки превращается в чтение, в постижение всего творчества поэта.

Авторский комментарий относительно логики выбора образа составляет отличительную черту идиостиля Марины Цветаевой.

Кавалер де Гризэ! – Напрасно

Вы мечтаете о прекрасной

Самовластной – в себе не властной –

Сладострастной своей Манон [Цветаева 1994, т. 1: 383].

или:

Я, богатая, была бедна,

Я, крылатая, была проклятой [Цветаева 1994, т. 1: 382].

Антонимические смыслы рождаются в параллельных контекстах: сначала дается очевидная пара признаков, затем – авторская,

окказиональная, паронимически и метонимически сконструированная. Но наведение далеких признаков воспринимается как метафора, поэтому мы склоняемся считать данные определения метафтонимическими.

Наметим некоторые тенденции в употреблении переносных цветаевских эпитетов и в логике их образования. Отметим: именно в логике образования, а не в том стилистическом и образном эффекте-«послевкусии», который возникает постфактум в процессе интерпретации.

1. *Переносные метафтонимические эпитеты антропоморфического типа.* Данные переносы были упомянуты и приведены нами выше. Они настолько массовы и детальны в плане подбора признаков и их проработки, что составляют наиболее яркую идиостилевую черту.

В большей степени метонимия играет роль в осмыслении того, каким образом состоялся перенос. Каков эффект от этого переноса – это второй шаг на пути осмысления образа, но то, как он появился, какова мотивировка его «рождения», становится самым важным в описании идиолекта.

В рамках ментальной сферы человека данные метонимические переносы выглядят естественными, но и здесь поражает степень детализации объектов переноса:

На завитки ресниц

Невинных и наглых ... [Цветаева 1994, т. 1: 319].

И на ревнивые твои ресницы умиляюсь... [Цветаева 1994, т. 1: 320].

Скрытные твои ресницы [Цветаева 1994, т. 3: 190].

В зоркости самоуправной / Как черепицами крыть / Молниеокою правду [Цветаева 1994, т. 2: 89].

Длинной рукой незрячей, / Гладя раскиданный стан,... [Цветаева 1994, т. 1: 358].

Обеими руками / В твой невыспавшийся сон [Цветаева 1994, т. 2: 128].

Запечатленный, как рот оракула / Рот твой, гадавший многим [Цветаева 1994, т. 2: 240].

Для поэта нет границ в распространении признака данной ментальной сферы на реалии этой же сферы: от конкретных названий частей тела (ресницы, глаза, рука, рот) до абстрактных понятий (правда, зоркость).

В аспекте распространения антропоморфного признака на внешние реалии (артефакты, например) метонимия превалирует в качестве механизма возникновения таких переносов.

Проснулась улица. Глядит, угрюмая

Глазами хмурыми немых окон [Цветаева 1994, т. 1: 11].

Помимо олицетворения и явной метонимии (улица – *люди, дома, население, прохожие*), налицо и метафора антропоморфного типа (немые, пустые, хмурые окна домов).

При метафоризации объектов окружающей природы такая метонимическая антропоморфная логика не выходит на первый план, не превалирует и не бросается в глаза, но глубинный механизм именно метонимический.

Льстивые ивы

И травы поклонные [Цветаева 1994, т. 2: 39].

Внешнее сходство ив, их наклон сравнивается с абстрактным качеством, присущим человеку, – лестью. И травы также становятся похожими на деревья.

2. *Переносные метафтонимические эпитеты артефактного типа.*

Характеризация метонимическими эпитетами артефактного типа демонстрирует перенос на основе соположения реалий, в том числе связанных с человеком, с реалиями, созданными человеком. Речь идет именно об именах эпитетов, ментальные сферы могут быть как одинаковыми, так и далекими.

Дальнодорожные брови твои! [Цветаева 1994, т. 2: 91].

Так, в приведенном контексте невозможно определить однозначно, какое качество или какой признак актуализируется: *далекий, усталый, опытный* или иной.

Смерть – это так: / Недостроенный дом, / Невозвращенный [Цветаева 1994, т. 1: 277].

Милости нет: / Каменногруд (о столбе/роке) [Цветаева 1994, т. 2: 88].

Архангельской двуострой дружбы / Обморочная круть [Цветаева 1994, т. 2: 79].

В ней душа грустней пустого храма, / Грустен мир. К себе ее зови [Цветаева 1994, т. 1: 19].

Концептуализация понятий, их переносное «проживание» обнажает суть понятий и вещей, суть субъекта (образа автора). В последнем примере душа сравнивается с храмом, грустным потому, что он пуст, и это тоже авторское понимание души, опустошенной, ненужной.

Подбор признака и конструирование эпитетов происходит окказионально: крылья (вольность, свобода) сближаются с виной (проклятая), самовластье – с чем-то внешним, противоположным внутреннему (модель «вместилище»).

Идиолектной чертой текстов Марины Цветаевой следует признать антропоморфизм ее поэтики. Артефакты, понятия приобретают черты одушевленности: *невоспитанный стих, день беспутен и нелеп, согбенная старость*. Например:

*Есть имена, как душистые цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...*

Есть темные извилистые рты

С глубокими и влажными углами [Цветаева 1994, т. 1: 227].

Таким образом, переносный эпитет представляет собой такую атрибутивную конструкцию, в которой происходит пересечение смежных и сходных одновременно концептуальных полей. Данные ментальные сферы всегда осмысляются в качестве смежных, способных выполнять сходные функции, а потому имеющие близкие признаки. В переносном эпитете, с одной стороны, отражается активность признаков лексем служить выразителем бесконечного числа смежных признаков во всех их детализациях, с другой стороны, в метонимических эпитетах проявляется когнитивная природа художественного мышления, при котором перенос превращается не просто в лексическое средство передачи образности, а в принцип мышления, в логику и понимание мира.

Переносный эпитет в текстах Марины Цветаевой имеет метонимическую основу в качестве базиса его образования. Функционирование же его в тексте связано с метафорическим эффектом, возникающим от его прочтения. Большое число именно антропоморфных переносных эпитетов связано с пристрастием поэта к субъективным темам в творчестве, с его эмоциональностью, «безмерностью» чувств.

Библиографический список

Бабенко И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. 22 с.

Войтехович Р.С. Образ Психеи в творчестве М. Цветаевой. М.: Просвещение, 2003. 202 с.

Волковинский А.С. Поэтика эпитета: монография. Каменец-Подольский: ФОР Сисин, 2011. 350 с.

Голубина К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 25 с.

Громова А.В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М.И. Цветаевой) // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 46–49.

Губанов С.А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 5–8.

Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 24 с.

Лаврова С.Ю. Формулы в текстовой парадигме (на материале идиостилия М. Цветаевой). М.: Прометей, 1998. 194 с.

Порошина А.И. Семантическая аппликация в поэтических текстах М.И. Цветаевой: структура, семантика, функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 23 с.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 458 с.

Фокина М.В. Общеязыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката: на материале текстов М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 24 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.10. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.